

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 375–382

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 375–382

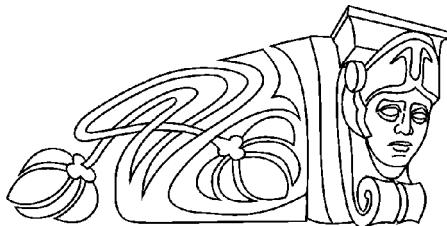
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

Научная статья

УДК 94(55)|1905/1911|:821.09-992

«Иранское пробуждение» в восприятии западного наблюдателя: мифы и реальность

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока», baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>; AuthorID: 248735

Аннотация. В статье делается попытка провести анализ материалов западных travelogов, касающихся событий в Иране 1905–1911 гг., ставших мощным идейным фактором во внутриполитической жизни страны, впервые столь мощно и очевидно столкнувшись с воздействием западных идей, центральной частью которых стали представительная форма власти, конституция и институт маджлиса. Не случайно эти события получили наименование «иранского пробуждения» (*pers. bidari-ye irani*) в идейном плане и «конституционного движения» (*pers. jonbeshe mashruteh*) в политическом. Активно распространявшаяся в официальных западных медиа и в трудах известных колониальных деятелей Великобритании, игравшей на протяжении всего XIX в. роль ведущей державы западного мира, точка зрения в отношении вестернизации Персии в ходе «иранского пробуждения» оказалась явно однобокой и упрощавшей основной ход событий. Привлечение в качестве дополнительных источников материалов многочисленных travelogов западных путешественников, посещавших в исследуемый период страну, не ангажированных своей профессиональной принадлежностью к властным институтам Великобритании, позволили взглянуть на происходящее более объективно и не предвзято.

Ключевые слова: «иранское пробуждение», Иранская революция 1905–1911 гг., конституционное движение в Иране, travelogи, «образ другого», имагология

Для цитирования: Баранов А. В. «Иранское пробуждение» в восприятии западного наблюдателя: мифы и реальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 375–382. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Iranian Awakening” in the perception of the Western observer: Myths and reality

A. V. Baranov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksey V. Baranov, baranovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, AuthorID: 248735

Abstract. The article attempts to analyze the materials of Western travelogues concerning the events in Iran in 1905–1911, which became a powerful ideological factor in the domestic political life of the country, for the first time so powerfully and obviously faced with the influence of Western ideas, the central part of which were the representative form of government, the constitution and the institution of the Majlis. It is no coincidence that these events were called the “Iranian awakening” (*pers. bidari-ye irani*) in ideological terms and the “constitutional movement” (*pers. jonbeshe mashruteh*) in the political. Actively disseminated in the official Western media and in the works of well-known colonial figures of Great Britain, which played the role of the leading power of the Western world throughout the 19th century, the point of view regarding the Westernization of Persia during the “Iranian awakening” turned out to be clearly one-sided and simplified the main course of events. The involvement of numerous travel guides of Western travelers who visited the country during the study period, who were not biased by their professional affiliation to the British government institutions, as additional sources of materials, allowed us to look at what is happening more objectively and not biased.

Keywords: the “Iranian Awakening”, the Iranian Revolution of 1905–1911, the constitutional movement in Iran, travelogues, “the image of another”, imagology

For citation: Baranov A. V. The “Iranian Awakening” in the perception of the Western observer: Myths and reality. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 375–382 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-375-382>, EDN: PEZCZA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

События в начале XX в. в Персии, как назывался до 1935 г. Иран, занимают особое место в его истории. Если официальное «открытие» страны состоялось в результате подписания договоров с Российской империей и Великобританией в первой трети XIX в., после чего в Иран стал активно проникать иностранный капитал, то идейное проникновение западного влияния приходится как раз на рубеж XIX и XX в. Пожалуй главным символом этого процесса стало дарование конституции шахиншахом Мохаммадом Али Шахом Каджаром в начале 1907 г. Не зря же эти события в истории Ирана стали известны как «конституционное движение», «конституционная революция», «иранская революция» или просто «машрутэ».

Активную взаимосвязь между движением и влиянием западной культуры подчеркивает большинство исследователей как на Западе [1–3], так и в Иране [4, 5]. Раскрывая масштаб влияния, Али Ансари, например, говорит: «Зарождающиеся иранские националисты с энтузиазмом пили из этого источника (европейское национальное пробуждение. – А. Б.). Централизация, модернизация, уход религии из публичной сферы и развитие национального государства, основанного на единой биологически обусловленной, исключительной этнической группе, все это, по-видимому, было воспринято с энтузиазмом» [6, р. 29]. И «энтузиазм» к скорейшей вестернизации, которая ассоциировалась с модернизацией, был столь велик, что Абдул-Хади Хаири обратил внимание на тот факт, что в Иране в начале XX в. термин «mashrutah», обозначавший собственно «конституцию», выводился от арабского слова «shartah» (ограничение), которое выступало аналогом французского «charte» (хартия) [7, р. 186], что должно было отсылать нас к идеям Великой французской революции и ее «Декларации прав человека и гражданина».

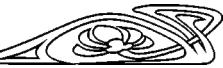
Действительно, если мы посмотрим на высказывания официальных лиц, отвечающих за «персидский вопрос» на рубеже XIX–XX вв., может сложиться впечатление, что волна, поднятая на Западе в результате «весны народов» 1848 г., наконец-то докатилась и до Востока. Не стоит забывать, что в Османской империи конституция была принята еще в 1876 г. при восшествии на трон султана Абдул-Хамида II. Вполне резонно было полагать, что к началу XX в. процесс «национального пробуждения» должен был достичь и соседней Персии. И страны Запада, в первую очередь в лице Великобритании, приложат все силы для успешного претворения в жизнь этой «мечты» персидского народа.

Великобритания, кстати, и не скрывала своих истинных целей в отношении Ирана. В 1892 г. вышли два тома монументального труда Джорджа Керзона «Персия и персидский вопрос» [8], в которых подробным образом описаны цели и методы британской политики. Именно Керзону

принадлежат «лавры» официального «мифотворца» в отношении иранцев. Он закрепил «миф» о родстве иранцев с европейскими народами, заявив об общем происхождении и наличия единой «арийской родины» [8, р. 56]. А это означало, что в ментальном плане иранцы ближе к европейцам, чем к арабам или тюркам. Британия, по словам Керзона, выступает защитницей Персии от посягательств на ее территорию и суверенитет со стороны соседней России, которая «рассматривает будущий раздел Персии как перспективу, осуществление которой едва ли менее вероятно, чем осуществившийся раздел Польши» [8, р. 594]. Для Керзона поглощение Персии Россией выступает лишь прелюдией ее далеко идущих захватнических целей в отношении Персидского залива и «Индийской империи Великобритании» [8, р. 595]. Следовательно, в отличие от России, Британия, по словам Керзона, имеет противоположные цели в Персии, т. е. выступает за сохранение ее территориальной целостности и национального суверенитета [8, р. 604].

Выступая «другом» и доброжелателем по отношению к Персии, Керзон уверен, что ориентация на союз с Британией, чрезвычайно выгодна. Именно Британия «впервые установила контакт Персии с Европой», связав ее с помощью телеграфных линий, «в результате чего она стала членом сообщества наций». Это позволило Персии «познакомиться с европейскими конституциями, обычаями и стандартами» [8, р. 614]. Следовательно, делает вывод Керзон: «Главная цель будущей английской политики в Персии призвана способствовать продвижению Персии по пути материального благополучия и внутренней реформы. Англия, развивая свои связи с Персией, будет выступать каналом увеличения симпатий к Европе и европейской цивилизации, поощряя развитие торговли между двумя странами» [8, р. 618].

Идеи, изложенные Керзоном, нашли свою дальнейшую разработку в классической работе его последователя и активного колониального чиновника Перси Сайкса, посвященной истории Персии. Работа вышла в свет в 1915 г., и изложение событий доведено до января 1907 г., момента дарования конституции. Последние три главы второго тома посвящены изложению процессов, приведших к началу революции в 1905 г. Показательно, что эти процессы, зародившиеся внутри персидского общества, были вызваны, по мысли П. Сайкса, активным проникновением западного влияния, идей и технических новаций. Не случайно главу, в которой излагается история предоставления концессий европейским державам, он назвал «Пробуждение Персии», подчеркивая тем самым, начавшийся процесс приобщения и открытия страны западным ценностям. Соответственно, движение за конституцию в Персии рассматривается в неразрывной связи

борьбы «прогрессивного» Запада с «непрогрессивным» Востоком [9, р. 472].

По мнению П. Сайкса, до контактов с Европой «Персия находилась на средневековой стадии развития цивилизации; и, каким бы живописным ни казался этот период истории современному европейскому читателю, в нем было не меньше жестокости, несправедливости и коррупции», чем в том, что он описал [9, р. 490]. Поэтому главной причиной существующего кризиса в Персии, в первую очередь, является ее отсталость, которая консервируется архаичной системой правления – начиная с шаха и заканчивая местными правителями на уровне города и деревни, поголовной коррупцией, разложившейся армией, не способной противостоять вольностям кочевых племен [9, р. 499]. Формулируя таким образом причины выступлений с требованием дарования конституции, П. Сайкс прямо пишет, что британское посольство в Тегеране было активным участником, т. к. «люди отказывались вести переговоры напрямую с правительством, но в конце концов благодаря добрым услугам британского представителя был подготовлен и принят измененный рескрипт» [9, р. 509], согласно которому 5 августа 1906 г. шахиншах Мозаффар ад-Дин Шах обещал даровать конституцию и создать маджлис – иранский парламент. Таким образом, согласно П. Сайксу, именно благодаря стараниям Британии, «события 1906 г. положили конец Старому порядку и привели к возникновению Нового» [9, р. 511]. Причем все действия Британии соответствовали чаяниям персидского народа в их стремлении к свободе и справедливому правлению!

Работы Керзона и Сайкса отражали «официальную» версию происходивших событий, выгодно оттеняя британские подходы в «персидском вопросе». Однако интерес английского и западного, в широком смысле, общественного мнения, вызвал буквально ажиотаж вокруг Персии, куда устремились десятки путешественников. Многие из них вели путевые дневники или делали записи, которые по возвращении на родину, издавались, пополняя собою обширную литературу в качестве трапезов. Важно отметить и тот факт, что путешествия совершились в разное время, давая полное представление о развивающихся событиях, рассматриваемых с разных ракурсов, разными людьми. Так, например, Элла Сайкс [10] (кстати, сестра Перси Сайкса) и Джон Уишард [11] оставили свои заметки до начала 1905 г., когда, собственно, и началось конституционное движение в Персии. Клод Анэ [12] посетил страну в 1905 г. – перед самым началом движения. Вильям Крессон [13] оказался в Персии в конце 1906 – начале 1907 г., став свидетелем дарования конституции Мозаффаром ад-Дин Шахом на смертном одре и восшествия на трон его наследника –

Мохаммада Али Шаха. Дэвид Фрэзер [14], в качестве английского журналиста, посетил страну дважды – в 1907 и в 1909 гг., наблюдая осаду Тебриза шахскими войсками и смещение шахиншаха Мохаммада Али Шаха. Джон Хон [15] и Артур Мур [16] посетили Персию в 1909 г., а Бенджамин Мур [17] – весной 1914 г., описывая последствия движения после разгона парламента русскими войсками в 1911 г.

Посещение одних и тех же городов и мест разными лицами и в разное время может дать объективную оценку восприятия происходящего в Персии в период конституционного движения (*pers. jonashe mashruteh*) или Иранской революции 1905–1911 гг., способствуя таким образом формированию определенных «образов» Востока в целом и Персии в частности, которые закрепились в ментальном характере европейского обывателя на уровне перцепции и последующей апперцепции во взаимоотношениях западного и восточного общества. Неангажированность и непредвзятость большинства авторов позволяет иначе взглянуть на описываемые события, которые будут отличаться от официальной точки зрения, что помогает лучше понять причины и специфику такого феномена как «иранское пробуждение» (*pers. bidari-ye irani*).

Естественно, анализируя происходящие события, западные современники не могли не обратить свое внимание на причины, вызвавшие их. И тут все говорят об архаичной системе управления, «в которой каждый из представителей власти «выжимает» для себя все возможное», о том, что «собственность не защищена, предпринимательство не поощряется» [9, р. 8], а страна и народ неуклонно беднеют. Придворная камарилья, оторванная от реалий жизни остальной страны, «становилась все более коррумпированной и алчной, что привело к тому, что казна вскоре истощилась» [11, р. 309]. Начиная с Мозаффара ад-Дина Шаха, Персия опутывается иностранными займами, получаемыми от Великобритании, и еще в большей степени – от России. Однако «большая часть денег была потрачена на бесполезные поездки в Европу, на покупку большого количества бесполезного иностранного хлама и на удовлетворение требований орд кровопийц, заполнивших Двор» [14, р. 19].

Однако, как замечает Дэвид Фрэзер, европейский опыт показывает, что революция является результатом плохого правления и тирании, когда народ доведен до отчаяния и восстает, чтобы получить облегчение своему положению от невыносимого положения дел в государстве. В Персии также наблюдались угнетенное состояние широких народных масс, плохое правление и тирания, сопровождаемые беспорядками, грабежами и восстаниями, но «подобные условия всегда существовали в Персии» [14, р. 17], заявляет он. Клод Анэ, в свою очередь, характеризуя политический строй Персии, пишет, что, хотя

на словах «правительство деспотично, на самом деле власть монарха практически ничтожна, и поддерживается она только по той причине, что всегда была персидской» [12, р. 138–139]. По факту «правительство не имеет реальной власти над низшими классами» [12, р. 140], которые, в свою очередь, «невежественны, фанатичны и безразличны к политическим вопросам» [14, р. 139], уверен Анэ. Если в Персии и возможны какие-либо серьезные преобразования, то они будут вызваны извне и сверху. На то, что движение началось именно «сверху», в отрыве от широких масс, говорит и Джон Уишард, размышляя о даровании конституции, оказавшейся «в высшей степени либеральной» [11, р. 311] для тогдашней Персии. По его мнению, – а нужно отметить, что он провел в Персии более двадцати лет и знал, о чем говорил, – вся кампания по принятию «хартии», как он называл конституцию, была проведена «несколькими высокопоставленными лицами, которые и планировали контролировать ситуацию» [11, р. 322] в стране. А Джон Хон прямо заявил, сославшись на ходившие в Тегеране слухи о том, что «крестной» персидской конституции была Англия, которая и породила это «духовное детище» [15, р. 56], намекая на то, что все это стало результатом противостояния либеральной Великобритании и консервативной России.

Девид Фрэзер, профессиональный журналист, по долгу службы имевший доступ ко многим тогдашним участникам событий в Персии, описывает то, как происходил процесс зарождения движения. По его сведениям, первоначальным стимулом для протестных акций со стороны тегеранского базара, так называемых базари – профессионального слоя торговцев, было стремление сместь тогдашнего премьер-министра (садр-азама) – «алчного и хищного Айн од-Доуле», превратившегося в полновластного «временщика» при больном Мозаффар ад-Дин Шахе [14, р. 18]. И встречаясь с одним из участников тех событий, который летом 1906 г. сел в «бест» в саду британского посольства в Тегеране с требованием смещения ненавистного премьера, Фрэзер поинтересовался, как возникло требование даровать конституцию. Ответ его поразил, так как из примерно 14 тыс. человек, которые находились в «бесте», никто понятия не имел, что такое «конституция» [14, р. 21]. Очевидец поведал ему, что «люди очень веселились на территории посольства и весь день только и делали, что разговаривали, смеялись, ели и курили», пока кто-то не стал активно рассказывать о «машрутэ» (конституции). Вот так, по мнению Фрэзера, «демократическая идея была задумана, рождена, отнята от груди и доведена до зрелости за меньшее время, чем требуется для того, чтобы сшить костюм, соответствующий требованиям времени» [14, р. 22].

Весьма показательной была характеристика политической зрелости персидского общества на начало конституционного движения, что ставило серьезный вопрос о готовности членов этого общества защищать и укреплять конституционные права. Кстати, сам Фрэзер был весьма категоричен по отношению к персам, называя их «болтунами», склонными больше вести дискуссии, а не действовать во имя достижения обсуждаемых ими же целей движения. «На появление дня было много разговоров, но очень мало действий» [14, р. 8], сокрушался он. Причем Джон Уишард пишет о том, что «политическим дискуссиям» в столице были проникнуты буквально все слои общества: «Тем из нас, кто знал Персию при старом режиме, кажется странным слышать, как торговец, ремесленник, а иногда и простой труженик обсуждают планы улучшения положения народа» [11, р. 334]. Даже несмотря на то, что в глазах западного обывателя они выглядели утопичными, дикими и «ребяческими». И в этом он был не одинок. Элла Сайкс также отмечала, что «на протяжении всей борьбы между шахом и его подданными было заметно, что собственно персы не оказали существенной помощи делу национализма» [10, р. 37]. А Джон Хон, описывая «конституционалистов», с головы до ног обвешанных оружием, встреченных им в Реште, заметил: «Эти в высшей степени респектабельные джентльмены вовсе не собирались, как мы поначалу предполагали, сражаться древним способом; они были просто членами какого-то анджумана или комитета» [15, р. 28].

Действительно в событиях, связанных с вооруженными столкновениями между «конституционалистами» и «монархистами» в июне 1908 г. в Тегеране, когда был разгромлен маджлис, а также при осаде Тебриза зимой – весной 1909 г. и похода «конституционалистов» на Тегеран летом 1909 г., западных наблюдателей поражало то, что перед ними разворачиваются какие-то «ненастоящие» сражения. Как верно отметил Д. Фрэзер, «в подобных обстоятельствах западное государство было бы залито кровью и сметено огнем и мечом, но перс воспринял происходящее очень спокойно, продемонстрировав тем самым миролюбие, из которого он сделан» [14, р. 36].

Поэтому так легко Мухаммад Али Шах разогнал маджлис летом 1908 г., что говорило о непрочности идей конституционного правления и о непоследовательности самих «националистов». Практически все действия свелись к штурму персидскими казаками здания маджлиса при пассивной роли жителей столицы. «Те немногие, кто оказал сопротивление», говорит Д. Фрэзер, «были родом из более мужественной провинции Азербайджан» [14, р. 8]. Остальные предпочли быстро ретироваться.

Об осаде шахскими войсками революционного Тебриза, не признавшего факт разгона

маджлиса, можно почерпнуть интересную информацию у Артура Мура, который был очевидцем и участником этих событий. Несмотря на собранные внушительные силы – около 6 тыс. со стороны монархистов и 2 тыс. боевиков со стороны «конституционалистов», реально в боевых столкновениях участвовало не менее 100 со стороны осажденных и 450 – со стороны осаждавших [16, р. 4]. Командовавший шахскими силами Айн од-Доуле предпочитал не действовать, а выжидать. Такой же тактике придерживались и осажденные во главе с Саттар-ханом. Но при этом Артура Мура удивляли и возмущали многочисленные рассказы о героических боях и кровопролитных операциях: «Часто, после того как я присутствовал на каком-нибудь мероприятии от рассвета до заката (где и обсуждались эти самые «операции». – А. Б.), по возвращении меня встречали самыми удивительными рассказами о боях и приключениях, многие из которых торжественно публиковались в европейских журналах. Дважды мне рассказывали историю моей собственной смерти с подробностями, столь же живописными, сколь и мучительными, и меня встречали как восставшего из мертвых. Однажды в честь моего якобы счастливого избавления в лагере роялистов была устроена иллюминация» [16, р. 5]. Как говорится, «много шума из ничего»!

С этой точкой зрения согласуется и утверждение Джона Хона, заявившего о том, что в стране не было радикализации общества и не наблюдается ситуация острого состояния гражданской войны. По его мнению, это стало следствием «общего безразличия народа и военная неспособность обеих сторон» добиться перелома в противостоянии, и «ни один европейский наблюдатель в Персии не ожидал решающего исхода» [15, р. 59]. С другой стороны, Девид Фрэзер, описывая ту легкость, с которой войска «конституционалистов» вошли в Тегеран в июле 1909 г., подчеркивает, что этого было бы невозможно осуществить в «условиях реальной войны» [14, р. 128], учитывая имевшиеся войска и оборонительные сооружения вокруг столицы. Фактически никакого штурма столицы и не было. В Тегеран вошли около 800 конников-бахтияров, свободно пронефелировавших к шахскому дворцу, где их встретили персидские казаки, вступившие с ними в перестрелку. Однако, как только лидеры «конституционалистов» в лице Сепахдара-Азама заключили перемирие с шахом, в столице сразу восстановилась мирная жизнь. «Едва прекратилась стрельба, – пишет Девид Фрэзер, – как трамваи возобновили работу, начали курсировать наемные экипажи и открываться магазины. Бахтияры и революционеры патрулировали улицы, в то время как персидские казаки и другие солдаты-роялисты расхаживали по улицам и, казалось, братались с прохожими,

с которыми всего за день до этого они вступили в смертельную схватку» [14, р. 136].

То, что правительственные войска не смогли бы справиться с мятежным Тебризом, в глазах западных наблюдателей было очевидным фактом. Ничто не характеризует состояние страны как состояние ее армии. В этом отношении все очевидцы были единогласны в том, что в Иране армии как таковой не было.

Бенджамин Мур описывал свой эскорт из персидских солдат-суваров, сопровождавших его в пути через Хорасан, как «бедных обрванцев, плохо питавшихся и не получавших жалования», сопровождавших его «на тощих дрожащих лошадях» [16, р. 166]. Вильям Крессон, наблюдавший за военными экзерцициями шахской армии на центральной площади Тегерана перед Дворцом, описал свои впечатления следующим образом: «Немногие из рядовых могли похвастаться полным вооружением, и их «униформа» часто состояла из овчинных «кафтанов», мешковатых персидских брюк и дубленок, хотя некоторые офицеры носили униформу, скопированную с тех, что носили в европейских странах» [13, р. 77]. А Джону Хону «посчастливилось» встретить шахские части, отходившие из-под Тебриза весной 1909 г.: «Когда мы проезжали мимо, они растянулись на пять или шесть миль, их было около четырехсот, кучки усталых и подавленных, но добродушных мужчин, которые позволяли себя фотографировать. Их повозки с багажом и лошади были нагружены грязными тряпками и ржавым огнестрельным оружием, а их офицеры в полуслоне растянулись на спинах мулов» [15, р. 48].

В связи с тем, что жалование не выплачивалось совсем, так как «съедалось» офицерами, либо выплачивалось крайне нерегулярно, рядовые солдаты были вынуждены как-то сами себя содержать. Вильям Крессон пишет о том, что он часто встречал солдат на базарах в качестве лавочников, причем почему-то «излюбленным занятием военных, по-видимому, является вполне приемлемая профессия мясника» [13, р. 76]. Элла Сайкс, подтверждая наблюдение Крессона, добавляет, что, отправляясь в поход, частенько «солдаты крадут еду у незадачливых жителей деревни, так как у них нет денег для возмещения ущерба» [10, р. 60]. И в принципе, те, кто вынужден идти в солдаты, делают это из-за нужды. Как отметил Девид Фрэзер, «персидский доброволец – это, как правило, человек без собственности, без морали, без мужества» [14, р. 101]. И вместо демонстрации воинской доблести такой солдат при первом же предоставившемся случае обращается в бегство.

Пожалуй, единственные боеспособные подразделения в составе шахских войск были персидские казаки, которые, по словам Вильяма Крессона, «были эффективно обучены и оснащены в соответствии с европейскими стандартами,

находящиеся под командой русских офицеров» [13, р. 79]. Именно казачьи части под командованием русского офицера В. А. Ляхова находились в первых рядах, когда в июне 1908 г. был разогнан маджлис в Тегеране, и когда войска конституционалистов летом 1909 г. двигались на столицу.

Кто же противостоял шахским частям, где самыми боевыми подразделениями были персидские казаки под командой русских офицеров? Уже приводился факт, упоминаемый Девидом Фрезером, что «конституционалисты», или «националисты», «практически не получали поддержки от горожан столицы, за исключением армян, многие из которых вышли на улицы и приняли участие в боевых действиях» в июле 1909 г. [14, р. 128]. Джон Хон, следовавший в Тегеран через Гилян, также пишет, что «дух бунтарства, какой был в Реште, должен быть отнесен на иностранный счет, где вместе с ее собственно армянским населением, есть и лихие солдаты удачи из-за границы. Последние были в основном кавказцами, татарами и так далее» [15, р. 28]. Понятно, что под кавказцами в данном случае понимались грузины и армяне, а под «татарами» – представители современной Республики Азербайджан.

Опять же по свидетельству Девида Фрезера, среди «кавказцев», воевавших в Персии против шаха, были сильны антирусские настроения. Он даже приводит свой разговор с армянином, правда турецкого происхождения, который заявлял, что, «несмотря на все ужасы, переживаемые армянами под турецкой властью, они скорее предпочтут жить под турецким флагом, чем под русским» [14, р. 139], из-за стремления России к национальному уничтожению самобытного армянского народа. Подобные пришлые революционеры, представлявшие собою небольшую, но организованную часть «конституционалистов», боролись против власти персидского шаха, усматривая в его фигуре «марионетку» русского империализма. Поэтому они рассматривали Персию в качестве «военной базы» против «имперской» России. «Именно эти идеи вдохновляли революционные общества Тифлиса, Баку и Константинополя, которые финансировали это движение с самого его зарождения» [14, р. 140], утверждает Фрезер.

Данную картину хорошо дополняет Артур Мур, явившийся очевидцем осады Тебриза, находясь среди осажденных. По его словам, одну из главных ролей в обороне города играли армянские националисты из «ужасного братства Дашнакцутюн, которые на памятных вечерах в Тебризе пели “Марсельезу” с заразительной раскатистостью, которая могла бы разжечь пламя революции в душе ростовщика. Смуглые, широкогрудые, веселые ребята, с неизменными патронташами и пистолетами “Маузер” при себе даже на пирах, они составляли любопытную компанию» [16, р. 63]. Во главе этих боевиков стоял

Эфраим – знаменитый «персидский Гарибальди» Епрем Давтян. «Именно он, как мне сказали, совершил покушение на вице-короля Кавказа и был главным палачом общества “Дашнакцутюн”. Все его жертвы были членами общества, приговоренными к смертной казни за злоупотребление доверием, и мне сказали, что он сам признался в совершении более двухсот убийств во исполнение постановлений общества», – писал Артур Мур [16, р. 64]. Это тот самый Эфраим, который после взятия столицы в союзе с Сипахдар-Азамом и лидером бахтиар Али Коли хан Бахтиари Сардар Асадом в июле 1909 г. стал вместе с В. А. Ляховым начальником полиции [14, р. 138].

И если на севере страны пришельцы с Кавказа сыграли главную роль в успехах «конституционалистов» против шаха в 1909 г., то на юге таким «революционным» элементом оказались племена бахтиар. Почему так получилось подробно описывает Девид Фрезер, заявивший, что «за исключением Сардар Асада, побывавшего в Европе, вероятно, никто из бахтиар по сей день не достиг понимания того, что такая конституция, кроме того, что она приносит добычу соплеменникам и жирные должности их вождям» [14, р. 88]. Дело в том, что старший брат Сардар Асада – Наджаф Коли хан Бахтиари Самсам ас-Салтане, и, следовательно, глава бахтиар – ильхан, оказался в опале за свои злоупотребления властью в качестве губернатора Исфахана. Подстрекаемый Сардар Асадом «отомстить» шаху за его несправедливые действия, Самсам ас-Салтане присоединился к призыву своего младшего брата идти на Тегеран, чтобы вернуть утраченную власть над Исфаханом. И после падения столицы, по словам Фрезера, «бахтиары быстро потеряли интерес к идеям кавказских революционеров. Они понесли значительные потери в результате своего приключения и были склонны винить в этом Самсам ас-Салтане и Сардар Асада» [14, р. 141]. Таким образом, союз между бахтиарами и «северянами» оказался времененным и тактическим объединением, где каждая сторона имела свои цели, лишь косвенным образом связанные с идеями конституционного движения.

В целом неудивительно, что в иранском парламенте, маджлисе, были сильны позиции именно представителей севера страны, как раз тех районов, «где постоянный контакт с беспокойным населением Кавказа познакомил людей с принципами свободы и народного правления» [13, р. 109]. И такое положение дел, по мнению Вильяма Крессона, не могло способствовать конструктивному решению стоящих перед страной проблем, когда все «тонуло» в многословных и бесплодных дебатах, когда большую часть времени посвящали тирадам против шахской власти и его представителей. Буквально опьяненные полученной свободой и представительной формой

власти, по словам Артура Мура, народные избранники, как оказалось, «преследовали лишь тень, и маджлис потратил много времени, отдавая приказы, которые некому было выполнять» [16, р. 40]!

Практика тиражирования законопроектов набрала невиданные темпы, но в действительности никто не хотел или не мог их исполнять на местах, где оставалось все без движения. Причина подобного развития событий, по убеждению Девида Фрезера, крылась в том, что «депутаты суют свой нос во все углы, приказывают полиции делать то-то и то-то, разъясняют населению их обязанности по отношению к соседям» [14, р. 31], что приводит к хаосу и неразберихе в делах управления страной, так как дискредитируется правительство, являющееся исполнительной властью.

Чехарда в центре соответствующим образом отражалась и на местном управлении. Окончательная дискредитация шаха и его власти, еще больше пала в глазах подданных после возвещения на трон малолетнего сына смешенного шахиншаха Мохаммада Али Шаха – Ахмад Шаха, оказавшегося полностью в руках регента и советников. Это привело к всплеску сепаратистских настроений, в первую очередь, со стороны кочевых племен юга и центра страны, вновь почувствовавших возможность возвращения к прежним вольным временам. В Ширазе воспряли кашкаи, в Исфахане – бахтиары, в Азербайджане – шахсевены, а в Мехмаде – арабы. Стране вполне реально грозила вероятность погружения в состояние хаоса и анархии, что не могло не беспокоить западных наблюдателей, так как «растущая анархия грозит перерости в иностранное вмешательство» [14, р. 13], по поводу чего выражал свое опасение Девид Фрезер. Фактически он оказался прав впоследствии, имея в виду действия России по разгону маджлиса в 1911 г., чем и закончилась официально Иранская революция.

Предсказывая подобное развитие событий, западные наблюдатели выказывали свой скептицизм в способностях самих персов выйти из ситуации, стремительно скатывавшейся в острый кризис. Вильям Крессон обращает внимание на живой интерес его иранских визави к политической жизни, так как те довольно сносно разбираются в основных вопросах мировой политики [13, р. 117]. Однако, как признают сами же путешественники, людей с активной политической позицией среди персов значительное меньшинство.

Бенджамин Мур, встречаясь со многими представителями правящегося слоя на уровне губернаторов городов, приходит к крайне неутешительным мыслям. Проговорив с губернатором Нишапура более часа о политическом положении Персии, Мур написал: «В этом было что-то

почти трогательное, поскольку на его лице застыло выражение природного ума, отступившего от бездействия и изоляции» [17, р. 133]. А после разговора с губернатором Бустама вывод был еще более бескомпромиссным: «Я не претендую на то, чтобы судить, но персы производят на меня впечатление безнадежно деградировавшей расы, и я не могу поверить, что они способны достойно управлять своими делами» [17, р. 191]. Поэтому, согласно выводу Девида Фрезера, персы сами не могут гарантировать поступательного движения в сторону представительной системы власти по образу и подобию политической модели Запада. «В Персии пока еще отсутствует дух альтруизма и самопожертвования, который так характерен для прогресса западного государства», – заявляет он [14, р. 182].

В сложившихся условиях две великие державы – Великобритания и Россия, которые уже, согласно соглашению от 1907 г., взяли на себя определенную ответственность за судьбы Персии, должны и далее реализовывать свои обязательства. Потому что, как заявил Артур Мур, «предоставить Персию самой себе, в действительности, означало бы оставить ее вариться в собственном соку». А это идет вразрез с чаяниями большинства персов, которые «ничего так сильно не желают, как иностранного вмешательства» [16, р. 138]. Позиция двух великих держав в Персии основывается на стремлении совместного осуществления крупных преобразований, которые будут преследовать две цели – сохранение независимости Персии и поддержание дружественных отношений с Россией и Великобританией, скрепленных общей системой ценностей, уверен Артур Мур [16, р. 164]. С этим был согласен и Девид Фрезер, подчеркивая тот факт, что Россия в своей политике настроена всеми силами обеспечивать на севере Персии спокойствие и безопасность, процветание торговли и функционирование государственного аппарата [14, р. 163].

Таким образом, подводя общие итоги прошедшего анализа, можно с уверенностью констатировать тот факт, что события Иранской революции 1905–1911 гг. оказывали мощное влияние на внутриполитическую жизнь Ирана на протяжении всего XX в., став отправной точкой идейной борьбы, превратившей «иранское пробуждение» в «исламское пробуждение» аятоллы Хомейни.

Прежде всего, в возникновении «иранского пробуждения» обращает на себя внимание трактовка «мифа об отсталости» Персии, который в изложении западных путешественников выступает в качестве отличительной черты традиционного уклада жизни и мировоззрения, присущей иранскому населению, на условия жизни которого оказывает огромное влияние специфика географического расположения страны и исповедание ислама шиитского толка. Европейские

наблюдатели вовсе не идеализировали традиционный уклад жизни персов, они в действительностии были в культурном шоке от него. Но это вовсе не означало, что большинство населения страны с надеждой и верой ожидали проведения реформ по пути вестернизации общественной сферы. Наоборот, вопреки официальному «мифу» о всеобщем преклонении перед западной культурой и цивилизацией, а также «арийскому мифу» о ментальной близости иранцев и европейцев, на практике выходило, что большинство народных масс в принципе не имели никакого понятия о сути происходящего в стране. Фактически «революция» осуществлялась в узком кругу лиц и в нескольких городах страны – Тегеране и Тебризе. К тому же, как показывают причины, заставлявшие основных участников движения выходить на политическую арену революционной борьбы, они были весьма далеки от революционных идей и целей, предпочитая руководствоваться сугубо личными и меркантильными интересами в борьбе за власть, используя происходящие события для смещения своих внутренних соперников и врагов.

Тот факт, что подавляющая масса населения оказалась за рамками данных событий, предпочитая пассивно наблюдать за происходящим со стороны, привело к тому, что самой действенной и революционной частью ее участников стали лица, которые не являлись подданными персидского шаха. Богатый материал, содержащийся в травелогах, содержит массу информации об иностранных участниках данных событий, причем с обеих сторон – революционеров и сторонников монархии. По мнению западных наблюдателей, события в стране были вызваны не внутренними причинами, как это можно было наблюдать в истории Западной Европы, а критической слабостью центральной власти и активным вмешательством во внутренние дела извне. Дарование конституции и деятельность представительного парламента, маджлиса, не привела к стабилизации ситуации и консолидации страны. Как раз наоборот, как демонстрируют материалы травелогов, страна и общество оказались на грани раскола и анархии, что грозило политическим распадом. Поэтому западные комментаторы приходят к выводу о целесообразности и желательности оказания всемерной

поддержки «зарождающейся демократии» со стороны великих держав, выступающих гарантами целостности Персии в лице Великобритании и России, признавая их прогрессивную роль.

Список литературы

1. *Keddie N. R. Religion and Rebellion in Iran: The Iranian Tobacco Protest of 1891–1982.* New York : Routledge, 1966. 181 p.
2. *Algar H. Mirza Malkum Khan. A Study in the History of Iranian Modernism.* Berkeley : University of California Press, 1973. 340 p.
3. *Moazami B. State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to the Present.* London : Palgrave Macmillan, 2013. 214 p.
4. *Kermani N. I. Tarikh-e Bidari-ye Iranian.* Tehran : Amir Kabir antasharat, 1387. 634 s. (на перс. яз.).
5. *Kasravi A. Tarikh-e Mashruteh-ye Iran.* Tehran : Negāh antasharat, 1381. 951 s. (на перс. яз.).
6. *Ansari A. M. The politics of nationalism in modern Iran.* New York : Cambridge University Press, 2012. 344 p.
7. *Ha'iri 'A. H. Shi'ism and constitutionalism in Iran: A study of the role played by the Persian residents of Iraq in Iranian politics.* Leiden : E. J. Brill, 1977. 296 p.
8. *Curzon G.N. Persia and the Persian question : in 2 vols.* London : Longmans, Green and Co., 1892. Vol. 2. 706 p.
9. *Sykes P. M. A history of Persia : in 2 vols.* London : Macmillan And Co., 1915. Vol. 2. 662 p.
10. *Sykes E. C. Persia and its people.* New York : Macmillan, 1910. 422 p.
11. *Wishard J. G. Twenty years in Persia: A narrative of life under the last three shahs.* New York : Fleming H. Revell Company, 1908. 345 p.
12. *Anet C. Through Persia in a motor-car.* New York : D. Appleton and Company, 1908. 375 p.
13. *Cresson W. P. Persia, the awakening East.* Philadelphia : J. B. Lippincott, 1908. 352 p.
14. *Fraser D. Persia and Turkey in Revolt.* London : William Blackwood and Sons, 1910. 564 p.
15. *Hone J. M. Persia in revolution; with notes of travel in the Caucasus.* London : T. F. Unwin, 1910. 312 p.
16. *Moore A. The Orient express.* London : Constable & Company, 1914. 320 p.
17. *Moore B. B. From Moscow to the Persian Gulf, being the journal of a disenchanted traveler in Turkestan and Persia.* New York : G. P. Putnam, 1915. 450 p.

Поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 22.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 22.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025